

НА СЦЕНЕ, НА ЭКРАНЕ Олег Гаркуша не производит впечатления человека нормального. Его ужимки, позы, танцы, вечное манерничанье бесподобны. Критики давно уже усмотрели аналоги его фантазмагорического имиджа с гоголевскими персонажами, но сколько тут ни ищи сравнений, все равно останется недосказанность. Потому что такими, как Гаркуша, не становятся, а рождаются. Но представьте такое странное-престранное существо в нашем-то донельзя материализованном мире, где все держится на звонках, на связях, на внешнем лоске, на больших деньгах и взятках... Как-то ему, бедняге, живется вне своего «Аукциона»? Вот что меня давно занимало. Но начали мы разговор безобидно — издалека.

— Нет, это частная фирма такси, в которой собрались старые хиппаны. Они нас почему-то очень полюбили. Сначала договоривались на один концерт, а потом они сделали нам еще несколько выступлений, хотя мы даже не просили. Жили у них дома, нас всюду на такси возили.

— То есть щедро принимали? Не хуже концертных фирм, что обычно только мизерные суточные и выдают российский музыкантам?

— По-разному бывает. Я вообще, Миша, давно хочу сказать тебе, что ты очень много внимания уделяешь материальному благосостоянию артиста. А этого делать ни в коем случае не надо.

— Скажи мне, почему «Аукциона» нет в хит-парадах?

— Смотря в каких. В «Комсомольской правде» появляемся почти каждый месяц. Но ты же прекрасно понимаешь, что все хит-парады составляют «от дуба», и вообще тому, что написано в газетах, я бы не советовал верить.

мый атрибут рок-музыканта? Многие считают вас просто пьяницами.

— Я жалею рокеров: многим приходится подшиваться или избегать компаний, а это сложно, если ты хоть немного известен. У меня полстраны — друзья, многие приезжают ко мне в гости. Некоторые везут с собой алкоголь в больших количествах, но я же не могу не встретить гостей. Приходится как-то выпутываться — бежать на пьяные углы, в рестораны, бары. Но это тема интимная...

— Олег, я давно заметил, что мы меньше всего знаем о тех людях, кто где-то рядом, под боком. Вот и я, каюсь, грешен, не знаю твою биографию, кроме затертого факта, что ты работал киномехаником и стало быть, крутил фильмы, где и сам снимался...

— Родился на улице Азтовской. Знаю все о маме и почти ничего — о папе. У меня — девичья фамилия мамы. Она на «Красном Октябре» работает технологом. Сестренка меня на два года младше. Она — жена нашего

послали в Карелию, где была фантастическая природа. Звезды, воздух, я шел домой и получил большую долю кайфа — тогда и написал первый стихотворение. Потом в Питере, на дискотеке, познакомился с девушкой, и пошла любовная лирика. После знакомства с Гребенщиковым стихи стали более грубыми, тогда написал «Деньги — это бумага», «Я не пример для подражания», ставшие песнями «Аукциона».

— У тебя ведь и сборник стихов вышел?

— Да, «Комсомольская правда» дала такую рекламу, что, мол, в Северодвинске вышла моя книжка. Но пока она только выходит. Мне вообще-то многие обещают, но потом что-то не получается.

— Как складывается твоя карьера?

— Где я снимался? «Взломщик», «Рок», «Презумпция невиновности», «Трагедия в стиле рок», фильм, который я не видел — то ли «Воскресное утро», то ли «Утро в воскресенье», где подаю пульки в тире... Раньше было довольно много предложений. Однажды подошли Абдулов с Янковским: «Нам очень понравилось, как вы выступаете, приглашаем сняться в таком-то фильме». Я — с удовольствием! Записали мой телефон, и дальше ничего. Мне предлагала Алла Осипенко танцевать в Большом театре, предлагали без конкурса поступить в ЛГИТМиК, но я ко всему этому отношусь с юмором. Сейчас вот Курехин делает с Гребенщиковым телевизионный фильм — тоже приглашают. Это уже поконкретней.

— Еще недавно не было никаких сомнений, кто в «Аукционе» главное действующее лицо. Конечно, Гаркуша! Но вот бурную деятельность развил ваш танцор Володя Веселин — все последние скандалы связаны с ним, его заслуги в бисексуальной пропаганде оценили многие газеты. Популярность Веселина растет, но не тянет ли он одеяло на себя?

— Молю Бога, чтобы сегодняшнее равновесие группа сохранила. Все мы нужны друг другу именно в своих ролях. Опасность в другом. Я очень не люблю слова «работа». Когда музыканты заявляют: «Мы отработали концерт», я им объясняю: «Никогда не говорите этого!». В принципе я получаю деньги не за то, что работаю, а за то, что концерты мне приносят наслаждение. Больше всего мне нравится, когда у людей счастливые глаза, когда они дарят цветы, говорят слова благодарности — это никакими деньгами не измерить. Когда начинаются «бабки» — искусство заканчивается.

— В фильме «Рок» есть кадры, где ты встречаешь своего первенца из роддома. Зритель по идее должен проследить: надо же, рокеры тоже люди, а у такого странного типа Гаркуши даже дети рождаются. Как твой сын поживает?

— Егору четыре с половиной года. Энергичный, вертлявый — шило.

— В кого бы это?

— Очень хитрый — это уж точно в папу.

— Мог бы ты написать книжку о роке, о себе?

— Полгода назад мне это предложил Житинский. И вот я уже исписал тетрадку мелким почерком. Читал отрывки друзьям — вроде они смеются, всем нравится. Книжка будет не совсем о музыке — о моем детстве, о моих друзьях. Смешная и грустная. Постарайся никого не забыть.

— Согласись, наш рок-н-ролл сейчас в тяжелом состоянии. Смотришь сборные рок-программы, попадаешь на рок-фестивали, и не понимаешь такое ощущение, что все это уже было, что ребята сами себя перепевают... А стоящих новых команд не возникает.

— Когда все запрещали, рок был более открытым. Когда все разрешили, та ситуация исчезла. Исчезло поле напряженности.

Если бы пресловутые гэкачеписты довели свое дело до победного конца, то, мне кажется, российская рок-музыка обрела бы второе дыхание. Все бы ушли в подполье... Вот такой парадокс!

— Однако распространено и такое мнение, что просто в советском роке мало стоящих, интересных музыкан-

тов... Отсюда и застой, и повторы, перепевы.

— Это неправда. Талантливых людей у нас в России миллион, просто не всем удается выйти в свет, показать себя. Есть куча музыкантов, которые просто дома сидят, песни пишут, на гитаре круто играют. Но ленятся, боятся, считают: все равно не пробьются. Ко мне многие обращаются: «Вот у нас группа, что делать?» Я говорю: ребята, мы же такими, как и вы, недавно были — играйте, ищите, придумывайте! Ну и какой-то выход нужен, система, инфраструктура, спонсоры, менеджеры. Отличный клуб придумал Сева Гаккель — в молодежном центре Василеостровского района любая группа может теперь сыграть. Об этом мы и думать не могли.

— Питерский рок-клуб, отпраздновавший прошлой весной свое десятилетие, что-то совсем скис. Недавно опять по «Радио Балтина» передавали, что рок-клуб выгоняют из красного уголка, где он базируется. Грустно все это было слышать. Уж Манка-то российский рок-н-ролла, являлся миру «Аквариум», «Кино», «Алиса», «АВИА», «Аукцион», могла бы решить свои проблемы — имеет свое здание, свой зал, а не бороться годами с жилищными проблемами. Может быть, административная мысль в клубе безнадежно отстала от творческой?

— Ничего не хочу говорить о рок-клубе, у меня там все друзья, но просто там существует элитная группировка, которая может постоянно выезжать за границу, может ездить и в поездки по «совку». Это расслабляет. Я бы почаще делал концерты, где бы выступали известные команды с совсем молодыми. «Аукцион» может помогать новичкам.

И все-таки не так плохо у нас дела! Ты вот часто пишешь, что мы проваливаемся на Западе, собираем крошечные залы. А я собираю все статьи, клею альбомы. У меня два толстых альбома — один по Франции, другой по Германии, где множество хороших и даже восторженных откликов.

— Как же так получается: много статей, а реального солидного контракта нет?

— Нужен сильный западный продюсер. Вроде такого, как Брайан Ино. Но и у него со «Звуками Му» ничего не получилось. У нас были люди, которые нами занимались, с которыми мы дружим. У них маленькая фирмочка — три человека, они выпустили нам первую пластинку на Западе, первый компакт-диск. Много возили нас, мы Францию исколесили, но кроме маленьких клубов и нескольких крутых фестивалей они ничего не в силах сделать.

Мне вообще-то после долгого пребывания на Западе становится плохо: домой хочется, к нашему пиву, к друзьям. Там, на Западе, живут наши знакомые, друзья, но они все занимают делом. Погостишь день, два, три, а потом неудобно.

— «Аукцион» держится на большой рок-сцене уже шесть лет. До 2000-го продержитесь?

— Понимаешь, у нас не стадионная группа, а команда для определенного круга людей, которые любят психоделику, замороченность. Такими группами, как «ДДТ», «Алиса» и «Кино» (как бы я хорошо к ним ни относился), мы не станем никогда. Мы гигантские массы народа собирать не будем — если соберемся выступать неделю в СКК, дай бог, ползала придет. Но, может быть, это и к лучшему! Дикая восторги, козы рожки, беснующаяся толпа — все так одновременно и очень похоже на то, что происходит на концертах поп-сы. У нас, слава богу, другая, своя публика.

НУ А ТЕПЕРЬ судите сами. Разве похож этот реальный Гаркуша на того типа Гаркушу на сцене? Все это имидж, маска, образ...

— Если я приму сценический образ в жизни, меня же тут же упекут в дурку... — грустно улыбнулся Олег.

Танцы на пороге психушки

— Олег, как «Аукцион» поживает? О вас в последнее время почти не говорят, не пишут, да и ТВ (даже рокеризированный «МузОбоз») молчит.

— Гастролируем по «совку», гастролируем по Западу. Были вот на фестивале в Нанте, были в Германии — в Гамбурге и еще в парочке каких-то городов.

— На Запад вас по-прежнему тянут?

— Раньше приглашали чуть ли не каждую неделю. Маленькие и большие фирмы звонили постоянно. Сейчас же ездили мы по приглашению фирмы «Вызов такси» из Гамбурга. Когда-то они были на нашем концерте, пришли в восторг и вот пригласили на праздник пятилетия со дня основания своей фирмы.

— Они что же, параллельно с машинами еще и шоу-бизнесом занимаются?

Ну а как дела у «Аукциона»? Сейчас вообще у всех групп дела идут не очень хорошо. Оплата дороги, гостиниц, аппаратуры — все дорожает. Надо бы поднять цену на билет — как минимум до двадцати пяти рублей, но мало кто пойдет на концерт за такие деньги. У нас ведь в основном молодой зритель. Откуда у них такие деньги?

— Но пиво-то они все покупают за бешеные деньги...

— Ну, пиво — это святое. Я сам покупаю, хотя мне очень жалко денег. Я большой пивоман.

— Какие твои любимые марки пива?

— Как ни странно, мне больше всего нравится советское пиво. Оно какое-то более объемное — если ты выпил бутылку, то понял, что ты выпил пиво.

— Алкоголь — это ведь непременно

лидер-гитариста Лени Федорова. Родился я 23 февраля 1961 года. В прошлом году «ДДТ» играли концерт 23 февраля, то ли в Киеве, то ли в Минске, и Юра Шевчук публично объявил: «Сегодня, ребята, такой день знаменательный!» Все давай свистеть. «Сегодня — исполнилось тридцать лет Олегу Гаркуше!»...

Мы жили в девятиметровой комнатке четвером, потом переехали в Веселый Поселок. Бабушке дали квартиру как вдове фронтовика. Мой дед погиб на линкоре «Марат», в Кронштадте стоит памятник, где золотыми буквами выбито — Степан Гаркуша.

— Знаешь, я вспомнил, как во времена гонений на рок однажды позвонил Севе Гаккелю из «Аквариума», у которого один из предков тоже с известной морской фамилией, и наткнулся на него-то из его близких. Меня

Бурлака — рок-исследователь, Наталья Веселова — некогда куратор Ленинградского рок-клуба от Дома самодеятельности. — М. С.].

— Выходит, и здесь Гребенщиков, как в историях с Цоем, с Науменко, был продюсером, наставником?

— Я тогда бывал почти каждый день у Гребенщикова дома, на улице Софьи Перовской, где собирались Цой, Африка, Курехин, Рыба. Всех знаю с 81-го года. «Аквариуму» тогда негде было репетировать, мы им помогли, а Гребенщиков, послушав «Аукцион», предложил нам вступить в рок-клуб. Я сначала сидел за микшерским пультом, запускал фонограммы. Концерт 83-го года в рок-клубе получился у нас неудачным, хотя идеи уже тогда были интересные. После этого удара группа почти на два года распалась. В ноябре 85-го мы возродились и там же дали концерт, на сей раз удачный.

— Последующая история «Аукциона» известна, описана многими. Но я ведь помню тебя еще и как ярого меломана, причем меломана с эстрадным уклоном. Был такой грех?

— Был, конечно. Раньше я не пропускал ни одной передачи на радио, на телевидении, все записывал, вырезал и хранил все статьи. У меня дома архив огромный. Знать, могу сказать (конечно, немного подумав): сколько пластинок выпустила группа «Самоцветы» или «Песняры». У меня все эти пластинки есть. Сам Бурлака пользуется моим архивом. У меня даже есть гранд-пластинка «Поющих гитар», пластинка «Лейся, песня!» (это раритет, потому что она появилась буквально на день и тут же исчезла, так как Шуфутинский уехал в Америку). Я считаю, что многие группы того периода достаточно интересны. Например, была интересной первая пластинка у «Сябров», хорошие диски у «Ариэля», «Веселых ребят»...

— Ты не боишься, что многие люди, прочитав это, плохо о тебе подумают. Гаркуша и советская эстрада?..

— Тогда другой-то музыки не было. Выпускались гибкие пластинки, а на конверте писали: «Вокально-инструментальный ансамбль», даже не указывая, «Битлз» это или «Слейд»... У меня такие пластинки сохранились. Я даже подарил Коле Васину пластиночку на косяках, которую купил за пятерку (тогда это были большие деньги!) у Гостиного двора. Ну что с того, если молодой человек в свое время слушал «АББу»? Это была гениальная группа с такой мелодичностью. «Бони М» — тоже хорошая группа.

— Ты ведь и стихи давно пишешь. Когда написал первый опус?

— На практике в техникуме — меня